

ФЕНОМЕН ПЕРЕМЕН В КОНТЕКСТЕ СУДЬБЫ А. А. БЛОКА

ЛУ ЦЗИН¹⁾¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрен опыт переживания революционных перемен поэтом А. А. Блоком, который является одним из наиболее чутких и принципиальных свидетелей этих изменений. Продемонстрированы примеры переживания конкретным субъектом нарушенного онтологического единства в эпоху перемен. Подчеркнут онтологический статус резких общественных преобразований и персонального максимализма как феноменов неподлинности (*Uneigentlichkeit*) в силу разрушения принципа середины, актуального для древней восточной и новейшей западной (М. Хайдеггер) философской традиции. Факт концептуальной общности этих традиций, между субъектами которой существует чрезвычайная отдаленность во времени и пространстве, позволяет говорить о предельной универсальности ее смыслов и, таким образом, об эффективности методологического применения в самых различных гуманитарных исследовательских практиках: историографии, философии и психологии истории, социологии и литературоведении.

Ключевые слова: время перемен; революция; середина; равновесие; подлинное – неподлинное.

THE PHENOMENON OF CHANGE
IN THE CONTEXT OF THE FATE OF A. A. BLOKLU JING^a^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The author considers the experience of experiencing revolutionary changes by the poet A. A. Blok, one of the most sensitive and principled witnesses of them. Examples of the experience of broken ontological unity in the era of change by a specific subject are demonstrated. The ontological status of abrupt social transformations as a phenomenon of inauthenticity (*Uneigentlichkeit*) is emphasised due to the destruction of the middle principle, which is equally relevant for the ancient Eastern and modern Western (M. Heidegger) philosophical tradition. The fact of this community, between the subjects of which there is an extreme remoteness in time and space, allows us to speak about the ultimate universality of its meanings and, thus, the effectiveness of methodological application in a variety of humanitarian research practices: historiography, philosophy and psychology of history, sociology and literary studies.

Keywords: time of change; revolution; middle; balance; genuine – inauthentic.

Введение

Существует закономерность, заключающаяся в том, что наиболее выдающиеся текстовые артефакты стали таковыми благодаря запечатлению кардинальных исторических сдвигов в определенных ареалах. Кризис раскрывает предельные основания бытия, локальные противоречия обретают

универсальный характер, а эпический размах и звучание эпосов волнуют через время и пространство. Таковы объединяющие начала мировых эпосов, представленных в Махабхарате и эпических (литературных и философских) сагах Новейшего времени (Т. Манн, У. Фолкнер, Г. Г. Маркес, Э. Ренан, О. Шпен-

Образец цитирования:

Лу Цзин. Феномен перемен в контексте судьбы А. А. Блока. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2023;1:25–33.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-25-33>

For citation:

Lu Jing. The phenomenon of change in the context of the fate of A. A. Blok. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2023;1:25–33. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-25-33>

Автор:

Лу Цзин – аспирантка кафедры русской литературы филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук Л. Л. Авдейчик.

Author:

Lu Jing, postgraduate student at the department of Russian literature, faculty of philology.
723311545@qq.com

глер, А. Тойнби и др.). Постоянно переживая кризисы глобализационного порядка (геополитические и ментальные), мы не можем объективно лицезреть и осознать данные кризисы посредством артефактов традиционного уровня охвата, их глубины и эмоционального воздействия. В этом и заключается особенность современной культурной ситуации. Эпический формат сегодня не актуален. Между тем, как показывает обобщенное содержание эпосов перемен, основное следствие последних резких перемен – кризис идентичности. Отсутствие зеркального отражения (как личностей, так и социальных групп) влечет за собой более трудные кризисы. На этом фоне особая роль принадлежит уже имеющимся свидетельствам кризисов перемен, т. е. не только литературным и философским, но и биографическим. Такие свидетельства, прочитанные соответствующим образом и соотне-

сенные с аналогами, способны рецептивно предоставить необходимый опыт зеркального отражения и идентифицирующей поддержки в мире ускользающих основ.

Конкретный пример переживания данной ситуации в литературном опыте А. А. Блока продемонстрировала С. З. Семерник: «Ситуация кризиса, ломки устоявшихся социокультурных стереотипов, диссоциации их на множество альтернативных ценностно-нормативных систем... выбивает человека из традиционного существования, включает его экзистенциальное самосознание: он вдруг находит себя в непривычном, непонятном и чужом мире, где гарантию собственного существования (социального, культурного и даже физического) может обрести лишь сам в себе» [1, с. 2–3]. Судьба и творчество этого поэта – реальный памятник революционных перемен в России начала XX в.

Материалы и методы исследования

Анализ биографических данных А. А. Блока соотнесен с основными парадигмами китайской классической философии (понятия середины, искренности, переживания вещей-существ) и фундаментальной онтологии М. Хайдеггера (понятия-экзистенциалы в работе «Бытие и время» (1928) и базовые понятия

в книге «Вклад в философию» (1989)). В качестве эмпирического материала использованы письма, дневники, публицистические тексты и некоторые стихи А. А. Блока (в целом художественные артефакты оставлены для анализа в филологическом формате и дискурсе).

Результаты и их обсуждение

Как писал В. Н. Орлов, «душа поэта – чуткий сейсмограф, способный... уловить малейшее колебание исторической почвы» [2, т. 1, с. 3]. Безумная тревога А. А. Блока при жизни и полное духовно-душевное опустошение перед смертью – это сейсмическое отражение не просто колебаний, но и тектонических сдвигов почвы в эпоху, которую на Западе назвали концом привычного мира (*fin de siècle*). Историческое протекание конца привычного мира вызвало усталость от прошлого, напряженное внимание к настоящему, тревогу перед будущим, кризис ожиданий лучшего, восторг перед новым и отвращение к нему (эмоциональная хронология модернизма). Так чуткая душа поэта узнала эпоху зорь, сумрак безвременья, черноту реакции, апофеоз восторга перед стихией революции и предельное разочарование, совпавшее со смертью поэта. Значимость этой личной истории обусловлена ее репрезентативностью как на фоне конкретной эпохи и культуры, так и на фоне исторического движения в целом (в западном понимании это бытие «в становлении через гибель» (*das Werden im Vergehen*¹)).

Максимализм – мощный двигатель поэзии и одновременно одна из ключевых судьбоносных черт А. А. Блока. Установку, обеспечившую мощное горение своего таланта и трагическое выгорание, писатель отразил в следующих строках: «Жить стоит

только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни: все или ничего; ждать неожиданного; верить не в “то, чего нет на свете”, а в то, что должно быть на свете» [3, т. 4, с. 233]. Одновременно это (т. е. максимализм) контекст, изнутри которого краски жизни казались ярче, звуки громче, тени резче, контуры отчетливей, и ракурс, позволявший «стереть случайные черты» и видеть дальше большинства людей, по сути, обладать пророческой способностью [4, т. 7, с. 328].

Чуткость сейсмографа, о котором идет речь, обусловлена происхождением поэта. Здесь имеется в виду не только статус семьи, фамильные корни, но и принадлежность культуре, сформировавшей тип гения, отзывчивого как в смысле сострадания, соучастия и содействия, так и в плане чуткости, чувствительности ко всему, т. е. противоположности «толстокожести». Традиционно русскость – это умиротворенность и умиленность простотой. Русская душа чутка к утрате таких ценностей, и, когда это происходит, они приобретают вселенское значение и сияние: *Белеет церковь над рекою, / За ней опять – леса, поля... / И всей весенней красотой / Сияет русская земля...* [4, т. 3, с. 469]. Таково запоздалое сожаление об усадьбе Шахматово, которую уничтожили большевики, – малой родине А. А. Блока, где сглаживались раны его максимализма и успокаивались

¹Жук И. В. Гёльдерлин // Новейший филос. словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск : Изд-во В. М. Скакун, 1999. С. 97–99.

вселенские надрывы. Другой мотив чувствительно-сострадательного восприятия России – надрывное переживание ее убогости: «Утром проснулся и смотрю из окна вагона. Дождик идет, на пашнях слякоть, чахлые кусты, и по полю трусит на кляче, с ружьем за плечами, одинокий стражник. Я ослепительно почувствовал, где я: это она – несчастная моя Россия, заплеванная чиновниками, грязная, забитая, слюнявая, всемирное посмешище. Здравствуй, матушка!» (цит. по [2, т. 2, с. 16]).

Обстоятельства воспитания А. А. Блока и немецкого поэта И. Х. Ф. Гёльдерлина весьма схожи. Оно проходило «в лоне семейного матриархата, без присутствия и воздействия мужского начала». В. Н. Орлов, биограф А. А. Блока, говорил в этом смысле об излишней рафинированности быта, «затянувшейся инфантильности», известной оторванности от реальности, рано развившейся душевной впечатлительности и, как следствие, о «беззащитности перед жизнью» [2, т. 1, с. 74]. Данные особенности и свойства повлияли на душевное здоровье И. Х. Ф. Гёльдерлина, отдав его, по словам М. Хайдеггера, «под покров ночи безумия» [5, с. 83]: «Чрезмерная яркость света столкнула поэта в темноту» [5, с. 87]. Кроме того, И. Х. Ф. Гёльдерлин тоже был поэтом перемен конца XVIII в. (первого в истории послереволюционного слома).

В автобиографической поэме А. А. Блока «Возмездие» встречается мотив, побуждающий провести параллель еще с одним явлением в мировой литературе, отразившем, в свою очередь, частную ситуацию на фоне эпохальных перемен: «Семья, идущая как бы на убыль...» (ситуация соответствует автобиографической и социальной основе романа Т. Манна «Будденброки») [4, т. 3, с. 462]. С одной стороны, это убыль традиционного (бюргерского) уклада в условиях ускорения темпа жизни, механизирования и обездушивания социальных и деловых связей, с другой – убыль семьи в лице потомка, который тяготится ею: *И меж своих – я сам не свой. Меж кровных / Бескровен – и не знаю чувств родства...* [3, т. 2, с. 334].

Значимым моментом взросления поэта была смерть его деда А. Н. Бекетова: *Пришел наш час – запомнить и любить, / И праздновать иное новоселье* [3, т. 1, с. 202]. Случайно или нет, но именно на это время приходится «Стихи о Прекрасной Даме» (1901–1902), как будто ранее бекетовская внушительная тень мешала разглядеть ее приход (Таинственной Девы, Незнакомки, Владычицы Вселенной, Вечной Жены) на фоне уже узанных зорь (зорь грядущих перемен) 1899–1900 гг.

Иное новоселье в ментальном смысле совпало с буквальной стороной блоковской жизни на фоне резко ускорившейся и далеко не респектабельной петербургской урбанизации: со времени рождения

поэта почти вдвое увеличилось население (большей частью притоком заводских рабочих), разительной стала нищета, процветали вульгарные развлечения, выросло число кабаков и кричащих реклам, а также усилился контраст парадной части города и остальных кварталов. Возвышенные абстракции чувств, которыми до этого жил А. А. Блок, и вставший в его сознание иной Петербург являли собой предельно несхожие миры. Чуткость и чувствительность поэта, а также потребность в сострадании нищете вели его, однако, в глубь этого невиданного города: в «переулки», «зловонные дворы», лабиринт подворотен, питейных нор и публичных домов, мимо «заборов, как гробов» и гнилых канав – навстречу серости и мгле: *О, город! О, ветер! О, снежные бури! / О, бездна разорванной в клочья лазури! / Я здесь! Я невинен! Я с вами! Я с вами!* («На серые камни ложилась дремота...», 1906) [3, т. 2, с. 203].

В цикле «Снежная маска» зафиксированы переживание «иногo новоселья» (эмансипация от «стародворянскости») и его перспектива: *И, в новый мир вступая, знаю, / Что люди есть, и есть дела...* [3, т. 2, с. 216]. Узанные зори, узренный приход вечной женственности, урбано-логические потрясения, приподнятость чувств на фоне бурного романа с Н. Н. Волоховой оформились в жажду действия, усилия. Впредь это станет лейтмотивом эпистолярной и публицистики А. А. Блока, но, по крайней мере до 1917 г., невозможно назвать предмет усилия и действия, очертить его нацеленность, можно говорить только об ощущении поэтом стояния на пороге (ему неизвестно то, что находится за порогом), т. е. стояния над бездной. Так порождается взвод, надрыв и вихрь блоковского само- и мироощущения: «Знаешь ли, что мы – те, от которых хоть раз в жизни надо, чтобы поднялся вихрь? *Мы сами ждем от себя вихрей...* Я и написать не могу всего, но то, чего я не могу высказать ясно, вертится все близ одного: хочу действенности, чувствую, что близится опять *огонь* (курсив наш. – Л. Ц.), что жизнь не ждет... Хочу много ненавидеть, хочу быть жестче... Близок огонь опять, – какой – не знаю. Старое рушится... Может быть, будет хорошо, кругом много гармонии... Какое важное время! Великое время! Радостно» (цит. по [2, т. 1, с. 213]).

Жесткость, ненависть, огонь, вихрь, гармония и радостность – слова, описывающие отсутствие гармонии как единства и целостности, душевного равновесия, без которого невозможно ни дело, ни плодотворное усилие (действенность). Взвинченное и вихревое состояние в концептуальном плане можно трактовать в качестве яркого примера утраты середины относительно мира (**изначальное** (中)², **Dasein** в хайдеггеровской философии), т. е. в качестве расположенности, чуткого внимания

²Здесь и далее полужирным шрифтом выделены понятия-экзистенциалы, обоснованные М. Хайдеггером в ряде работ, прежде всего в книге «Бытие и время» (1928) и непереведенной (по крайней мере, официально) книге «Ereignis» [6; 7], о которой автор данной статьи судит по обзорному анализу В. М. Позднякова [8].

ко всему и тем самым возможности взаимодействия с миром как основы любого действия. Между тем приведенный пассаж относится ко времени, когда в сознании А. А. Блока начала оформляться мысль о судьбоносном предназначении России и необходимости участия в его осуществлении. Русский поэт был уникален, но не одинок ни в отношении подобных ожиданий, ни в ощущении стояния над бездной. Можно полагать, что дальнейшие взвихренные и взвинченные преобразования Октябрьской революции – это следствие максимализма не только и не столько большевиков, сколько дезориентированной (по сути, во Вселенной) духовной и интеллектуальной элиты страны и прежде всего тех, кто, обладая предельной сейсмической чуткостью, был наиболее харизматичным.

Наряду с inferнальными вихрями и взводом лейтмотивом блоковской жизни с 1910 по 1915 г. считается порыв к простоте и простору. Этот лейтмотив присутствует и в письмах (прежде всего к Андрею Белому), и в оценке декадентского искусства (слишком искусственным театром под руководством В. Э. Мейерхольда), и в обособленной позиции по отношению к символизму: «Я прежде всего – *сам по себе* и хочу быть все *проще* (курсив наш. – Л. Ц.)» [4, т. 8, с. 205]. Порыв к простоте проявлялся в стремлении вырваться за городскую черту: в хвойные и озерные дали, безлюдные дюны, на берег мелкого моря. Даже пристрастие к вину и простонародным кабакам в те годы было не банальным пьянством, а простейшим способом ощутить душевную простоту.

По мнению автора настоящей статьи, сосуществование блоковского максимализма и стремления к простоте можно объяснить тоской по подлинному. Хорошо известна надрывно максималистская дружба – вражда А. А. Блока и Андрея Белого. Они не раз прибегали к исповеди. Вот как она звучит у А. А. Блока: «Хочу вольного воздуха и простора... Я готов сказать... что я – очень верю в себя, что ощущаю в себе какую-то *здоровую цельность* и способность и умение быть человеком – вольным, независимым и честным... Чувствую, что всем, что пишу, делаюсь еще более чуждым Вам. Но я *всегда* (курсив наш. – Л. Ц.) был таким, почему же Вы прежде любили меня?» [9, с. 359]. Здесь очевидно, что А. А. Блок самоидентифицируется и одновременно дистанцируется, иначе говоря, остро чувствует свою самость, следовательно, не ошибается в себе. Утверждение перечисленных свойств звучит как самоубеждение уравновесить иные противоположные утверждения из потребности, т. е. приблизиться к середине. Таким образом, автор данной статьи назвал вольные, просторные и цельные побуждения А. А. Блока тоской по подлинному (в хайдеггеровском смысле это *Eigentlichkeit*).

Такое состояние определяется как следствие утраты опоры в ситуации, которую А. А. Блок понимал. Раньше ярче всего это прозвучало в мартовской лекции 1908 г., посвященной настоящему и будущему русского театра: «Та *действительно* (курсив наш. – Л. Ц.) великая, действительно мучительная, действительно переходная эпоха, в которую мы живем, лишает нас всех очарований, и на всех перекрестках подстерегает нас какая-то густая мгла» [3, т. 4, с. 73]. Вновь и вновь переходная эпоха вызывает А. А. Блока на дело и действие (как утверждал поэт, от «мглы перекрестков» переходной эпохи избавит только «дорога к делу»), но это дело трудно обрести. Ведь великое дело русской литературы, наследником которого остро ощущал себя А. А. Блок, вынуждало вести полемику с представителями новейших культурных веяний, не признававших прежде ценного для художника ореола общественности.

Дело является предметом напряженного поиска, а основание (тема) желаемых цели и целостности проступает отчетливо. В письме к К. С. Станиславскому от 9 декабря 1908 г. А. А. Блок писал: «Тема моя, я знаю это теперь твердо, без всяких сомнений, – живая, реальная тема... *тема о России* (вопрос об интеллигенции и народе, в частности). Этой теме я сознательно и бесповоротно *посвящаю жизнь*. Все ярче сознаю, что это – первейший вопрос, самый жизненный, самый *реальный*. К нему-то я подхожу давно, с начала моей сознательной жизни, и *знаю*, что путь мой в основном своем устремлении – как стрела, прямой... Несмотря на все мои уклонения, падения, сомнения, покаяния, – я иду. И вот теперь уже (еще нет тридцати лет) забрезжили мне, хоть смутно, очертания целого. Недаром, может быть, только *внешне* наивно, *внешне* бессвязно произношу я имя: *Россия* (курсив наш. – Л. Ц.)» [4, т. 8, с. 265].

Вопрос об интеллигенции и народе, как основа блоковской темы, неслучаен. Поэт болезненно ощущал противоречивость своего социального статуса. С одной стороны, он стремился приобщиться к народу как источнику простоты, целостности и «воли к жизни», с другой стороны, видел недоверие и даже враждебность народа к интеллигенции: между ними имеется «недоступная черта» («Народ и интеллигенция», 1908) [3, т. 4]. Болезненность ощущения этой черты обостряется на фоне предельно углубившегося неблагополучия рабочих Петербурга (ситуация на грани гуманитарной катастрофы). По мнению А. А. Блока, именно отсюда едва не рушился привычный миропорядок и назревал всемирно-исторический перелом. Социальная его подоплека была очевидна, так как требовалось подчеркнуть досоциальную и надсоциальную основу перелома, связи «между человеком и природой, между отдельными людьми», между «душой и телом» каждого были уничтожены («Стихия и культура», 1908)

[3, т. 4, с. 115]. Здесь фиксируется «уничтожение святей» не только на уровне китайской категории **изначальное** (中) (бытие посреди всего и в согласии со всем), но и на уровне европейской категории **λόγος** (в гераклитовском смысле это онтологическое единство как основание бытия).

А. А. Блок в последующие годы ощущал нарастание смятения, болезненного неприятия современности, потерявшей опору в вечном, и современного же «балагана» – буржуазно-декадентского псевдоискусства: «Более, чем когда-нибудь, я вижу, что ничего из жизни современной я до смерти не приму и ничему не покорюсь. Ее позорный строй внушает мне только отвращение. Переделать уже ничего нельзя – не переделает никакая революция» [4, т. 8, с. 289]. В этом настроении создан цикл «Страшный мир» (1909–1916), отразивший демонический разгул низменных страстей (кипение «черной крови») и при этом «бездонной скуки ад», мир, где двойники и демоны терзают «стареющих юношей», где существуют «ад» и «пляски смерти». Таковы «прерванные времена» [4, т. 3, с. 13–60].

Именно в стихах этого цикла отчетливо проявилось нарушение онтологического единства, которое остро чувствовал поэт, т. е. отсутствие какого-либо единства человека и природы как отсутствие органичного переживания человеком своего сосуществования наряду с вещами-существами и вещами-сущностями. Вместо вещей-сущностей, о которых как о сути мироздания (в принципиальном контексте) говорится в китайской классической философии, имеются не самоценные (ср. **десять тысяч наличного** (万现金)), не равновесные и уравнивающие, а наделенные человеческими переживаниями и эмоциями предметы. В этих эмоциях есть негативный характер, и их воссоединение с пронизанными им вещами и вещным миром или единство немыслимы. Такие эмоции, напротив, угнетают, страшат, ужасают и раздражают. Предметно-эмоциональная канва цикла «Страшный мир» такова, что у читателя складывается ощущение, будто поэт хочет стряхнуть этот мир с себя. Между тем, несмотря на социальные и другие вторичные коннотации, онтологически это все равно исходный, первозданный мир вещей-сущностей. Стряхнуть его с себя – еще одно основание ощущать холод, тоску, надрыв и одиночество. В *голубом морозном своде / Так приплюснут диск больной, / Заплевавший все в природе / Нестерпимой желтизной* («Жизнь моего приятеля», 1913) [3, т. 3, с. 49]. Знаменитая черная роза в бокале золотого аи является вариацией отраженного отсутствия открытого, приятного переживания **вещи** (Ding) («В ресторане», 1910) [3, т. 3, с. 25]. Искусно составленная картинка не имеет ничего общего ни с переживанием розы (ср. хайдеггеровское «переживание кафедры»),

ни с переживанием бокала золотого аи, ни с переживанием того и другого вместе, ибо это неприродное, неестественное, несуществующее (неподлинное) сочетание.

Особая тема исследования – отношение А. А. Блока к революции. Учитывая тот факт, что в советском литературоведении поэта считали ее безусловным адептом, это восприятие приходится корректировать прежде всего на основании несоциологических методик. Автор настоящей статьи исходит из того, что революционность А. А. Блока имела не столько политический, сколько экзистенциальный характер. Она зиждилась на том, что ситуация общественного застоя подавляла поэта, который погружался в **ничто** (Nichts) и **небытие** (Unagentlich), т. е. **неподлинное бытие**, прозябание в бесполезной отжившей «древней сказке», «болотном тумане» под «колоколом пленным», где народ – «подземный крот», и выходом из прозябания может быть только **прыжок** (Sprung) в **просвет** (Lichtung). Изначально речь шла о коллективном выходе и усилии масс как усилии мира, в котором и живет индивид (**In-der-Welt-Sein**). Тот факт, что поэт изначально принял революцию 1917 г., стоит объяснять принятием именно ее коллективного начала и соответствующего размаха. Задолго до большевистской риторики поднятия авторитета рабочих масс А. А. Блок с воодушевлением обращался к пролетариату («Рабочая песня», 1915; «Упорной колонной мы строимся там...», 1916). Факты и факторы несовершенства политического устройства и социальной несправедливости не озвучиваются А. А. Блоком последовательно и целенаправленно, а присутствуют лишь как фон книги «Страшный мир», возможно, в силу понимания вторичности этих материй. Для поэта гораздо важнее преодоление **ничто**, именно поэтому он часто использовал лексемы и образы со значением не просто смерти, но «мертвецкости», смерти при жизни (в произведении «Как тяжело мертвецу среди людей...» (1912) таковыми являются хроника дня и серия ощущений мертвеца). На фоне «мертвецкости», **небытия, ничто** революционность – это смелость **прыжка** (Sprung) в открывающуюся перспективу возможностей, а революция – очистительная буря, стихийный пожар, уничтожающий старый мир. Отсюда вытекает максималистская устремленность А. А. Блока к социальной революции как желаемой основе «революции духа».

Переживание поэтом течения революционных событий – цепь разочарований. Такова общая канва блоковской духовно-душевной жизни с середины 1917 г. Внимание к звеньям этой цепи позволит ощутить нарастание и расширение неудовлетворенности поэта, изначально прочувствованной на заре жизни и в финале неразлично смешанной

с соматическими причинами смерти. В экзистенциальном плане это универсальный рисунок колебания революции (реакции, вихря; застоя, взлета; падения), т. е. неподлинности движения, чуждого «порядку без усилия» (不費吹灰之力之秩序 – категория, тесно связанная с категорией **искренность** (誠))³.

Чем эмоциональнее звучали предшествующие рефрены переживания назревающей и совершающейся революции («новое», «полет», «стихия», «совершенно новый мир», «каждый день приносит новое», «содержание всей жизни», «полет и порыв», «мировой пожар», должный смести старый мир), тем острее были неудовлетворенность, разочарование и тоска. Для одинокого поэта, который хочет быть в миру и быть полезным миру, было важно не оставаться одиноким во время революции: «Революция – это: я – не один, а мы. Реакция – одиночество, бездарность, мять глину» [4, т. 7, с. 328]. Большевик А. А. Блок воспринимал родственным себе, потому что для него это являлось бесконечной и неудержимой стихией. Она в социальном смысле и есть коллективный максимализм. В данном случае, как понимал поэт, это русская стихия, свершение русскости как возмездие за века социального и духовного угнетения, униженного рабства, полной блокировки жизненных сил и возможностей русского народа.

Первым значимым разочарованием стал итог работы в Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданско-го, так военного и морского ведомства (далее – ЧСК) после Февральской революции 1917 г. По результатам проведенной ревизии деятельности царских властей А. А. Блок хотел создать не просто сухой отчет, но нечто близкое историко-политическому очерку-эпопее. Эта инициатива не получила поддержки со стороны юристов, составлявших костяк ЧСК. Они были практиками, не видевшими смысла ни в художественном стиле оформления официального документа, ни в подчеркнутой историзации документа. В июне 1917 г. А. А. Блок написал: «Революция там не ночевала» [4, т. 7, с. 268].

Между тем стоило «постичь смысл происходящего, проникнуть в душу революции и сказать об этом людям, России, всему миру» (цит. по [2]). Это своего рода программа оракула революции. Драма состояла в том, что желание создавать произведения пропало у А. А. Блока в 1916 г., после чего он не опубликовал ни одного стихотворения. Такое состояние было обусловлено резкой сменой обстоятельств из-за призыва на военную службу, затем длитель-

ной рутинной работой в ЧСК. Однако это был первый значимый итог безумного надрывного переживания общественного неблагополучия и личных драм, исторического перелома и банальных бытовых несурзностей.

Тем не менее русский поэт сразу решил работать с большевиками: «Крылья у народа есть, а в уменьях и знаньях надо ему помочь» [4, т. 7, с. 321]. Реконструкция старого театра, реформа орфографии и циклопические по прежним меркам издания классиков стали достойными сферами приложения имевшихся у А. А. Блока знаний и умений. По этому поводу В. Н. Орлов писал: «Он и здесь оставался самым собой – максималистом, вдохновенным романтиком, перед которым открылись невиданно широкие горизонты. Убеденный, что революционная эпоха не терпит малых масштабов, он стремился каждому, даже совсем небольшому, делу придать полный размах, подчас не считаясь с реальными возможностями и скудостью материальных средств» [2, т. 2, с. 254]. В результате А. А. Блок был недоволен своими соратниками, особенно Максимом Горьким, активным начинателем и руководителем, который «помогал народу умениями и знаниями»: «Все, что я слышу от людей о Горьком... меня бесит. Изозлился я так, что согрешил: маленького мальчишку, который, по обыкновению, катил навстречу по скользкой панели... толкнул так, что тот свалился. Мне стыдно, прости мне, Господи» (запись в дневнике от 4 января 1921 г.) [11].

Еще одним разочарованием стали несбывшийся коллективный максимализм (революция) в творческой среде и, таким образом, несбывшееся неодинокчество. Соотношение числа прореволюционно настроенных авторов и числа их антагонистов (Максим Горький, А. А. Блок, С. А. Есенин, В. В. Маяковский и др.) было далеко не в пользу первых. Об антисоветчиках А. А. Блок писал: «Если бы это – банкиры, чиновники, буржуа! А ведь это – интеллигенция!» (запись в дневнике от 5 января 1918 г.) [4, т. 7, с. 315].

Разочарование – ширящийся бюрократический формат революции. Запись в дневнике от 5 января 1918 г. говорит о следующем: «...инстинктивная ненависть к парламентам, учредительным собраниям... потому что рано или поздно некий Миллюков произнесет: “Законопроект в третьем чтении отвергнут большинством”» [4, т. 7, с. 315]. Помимо инстинкта, не приемлющего бюрократию, революцию не принимал инстинкт ненависти к реакции (т. е. неприемлемость реакции). Свои переживания 1917 г. А. А. Блок описывал так: «Я никогда не возьму в руки власть, я никогда не пойду в партию, никогда не сделаю выбора, мне нечем гордиться, я ничего не пони-

³Из конфуцианского памятника «Чжун юн» («Учение о Середине» или «Удержание Изначального» (中庸)): «Становление искренним – это путь человека. Искренний – тот, кто без усилия пребывает в изначальном, без стремления воплощает порядок, молчаливо позволяет всему совершаться, – таков наделенный мудростью» (цит. по [10, с. 134–135]).

маю. <...> Я могу шептать, иногда – кричать: оставьте в покое, не мое дело, как за революцией наступает реакция» [4, т. 7, с. 281].

Наконец, самое главное – разочарование в большевизме, желаемой и «родственной» стихии. Поэма «Двенадцать» (начало 1918 г.) показала, что А. А. Блок ощутил враждебность большевиков для себя и своего мира еще тогда, когда факт революции был для него «содержанием всей жизни»: «Чего нельзя отнять у большевиков – это их исключительной способности вытравлять быт и уничтожать отдельных людей. Не знаю, плохо это или не особенно. Это – факт. <...> Загажено все еще больше, чем в прошлом году. Видны следы гаженья сознательного и бессознательного. <...> И откуда им понимать коммунизм иначе, чем – как грабеж и картеж?» (запись в дневнике от 11 июня 1919 г.) [4, т. 7, с. 365–366].

Большевистская разрушительность не имела ничего общего с тем, что старомодно или нестаромодно называлось гуманизмом и культурой. В первые революционные годы было много споров о так называемом гуманизме в европейском значении человека и человечности как центра мироздания. Например, Максим Горький, Вяч. И. Иванов и другие писатели сходились на том, что с этим гуманизмом советской власти не по пути, и считали такой гуманизм западным, «буржуйским»: «А наш гуманизм – уже уличный: трамвайный разговор – самое дно» (запись в дневнике от 5 апреля 1919 г.) [4, т. 7, с. 365].

Итак, перемены сбылись, однако не оправдались: «Жизнь изменилась (она изменившаяся, но не новая, не nuova), вошь победила весь свет, это уже совершившееся дело, и все теперь будет меняться только в другую сторону, а не в ту, которой жили мы, которую любили мы» (запись в дневнике от 18 апреля 1921 г.) [4, т. 7, с. 415–416].

Верный себе в плане поиска концептуальных вырваний для происходящего и (или) предчувствующего, А. А. Блок пытался подвести философское обоснование. Убедительнее всего оно звучит в письме В. В. Маяковскому: «Не так, товарищ! <...> Не меньше, чем вы, ненавижу Зимний дворец и музеи. Но разрушение так же старо, как строительство... Разрушая, мы все те же еще рабы старого мира: нарушение традиций – та же традиция. <...> Одни будут строить, другие разрушать, ибо всему свое время под солнцем, но все будут рабами, пока не явится третье, равно непохожее на строительство и на разрушение» (запись в дневнике от 30 декабря 1918 г.) (цит. по [13]). **Третье** и есть **середина, равновесие, порядок без усилия**.

Парадоксально, что к **середине, логике**, жажде **порядка** без усилия и надрыва А. А. Блок приводит встречный надрыв и беспорядок, максимализм революции. Еще один показательный пример такой финальной позиции – запись в дневнике от 6 февраля 1921 г. за полгода до смерти: «Для того, чтобы уничтожить что-нибудь на том месте, которое должно быть заполненным, следует иметь наготове то, чем заполнить. Для того, чтобы соединить различное в одном месте, нужно, чтобы это место было... способно объединить... Заставить делать то, чего тот, кого заставляют, не умеет, бесполезно или даже вредно для дела. Для того, чтобы писать на каком-нибудь языке, следует... по крайней мере быть грамотным. Занимая время и тратя силы человека на пустяки, не следует рассчитывать, что он ухитрится это самое время и эти самые силы истратить на серьезное дело. <...> И много других простых изречений здравого смысла, которые теперь совершенно забыты» [4, т. 7, с. 404]. Простые изречения здравого смысла – итог пережитых бурь.

Заключение

Принципиальная черта личности А. А. Блока – максимализм как предчувствие и жажда беспрецедентно широких возможностей для страны и мира. Он болезненно переживал несоответствие текущего дня и настоящих обстоятельств грандиозным перспективам будущего. Социальная революция мыслилась поэту благотворной ареной становления лучшего мира (в глобальном смысле) и оптимальных возможностей развития России. Накануне ее А. А. Блок был одержим жадой деятельности и надрывным безысходным переживанием отсутствия сферы и возможностей приложения усилий, отторгаемых реакционной интеллигенцией и коллегами по творческому цеху. Таковы основные мотивы поэзии, эпистолярия и публицистики А. А. Блока предреволюционных лет.

Революционность поэта основывалась на соединении его личного максимализма и максимализма (стихийности) революционной среды, встрече родственных начал. Расхождение обнаруживается в фундаментальном плане, т. е. если для А. А. Блока революция как таковая была решением вопроса: «Быть или не быть?», – то реальная революция предполагала «ломку», неподлинные (жесткие и разрушительные) перемены. Революционность А. А. Блока носила не социологический, а экзистенциальный характер.

Переживание поэтом хода революционных перемен является цепью разочарований: возникают непонятость со стороны соратников по культурным революционным проектам, чуждость большинству в стане поэтическом, отсутствие поэтического

вдохновения при стремлении играть роль оракула революции, бюрократическая подоплека будущих событий и, наконец, разочарование в большевизме как позитивной стихии.

Анализ совокупности эпистолярных и дневниковых фрагментов, которые связаны с переживанием поэтом назревающих, совершающихся и свершившихся в России революционных перемен, продемонстрировал суть последних как разрушения онтологического равновесия в отказе от гармоничной середины, что и было осознано А. А. Блоком в последние годы жизни. Его судьба, сознательно связываемая с судьбой России (трагедия поэта и трагедия его

отчизны), представляет собой явную и яркую анти-тезу данному в китайской классической философии и фундаментальной онтологии М. Хайдеггера обоснованию бытия как равновесной середины, внимательного и вдумчивого переживания мира, чуткого и сдержанного взаимодействия с ним. Метафорой экзистенциального равновесия и социологической стабильности являются следующие слова М. Хайдеггера: «Самородно-подлинное родится лишь тогда, когда человек одинаково и по-настоящему готов исполнять веления превышних небес и хорониться под защитой несущей его на себе земли» [13, с. 239].

Библиографические ссылки

1. Семерник СЗ. *Экзистенциальные состояния личности в социокультурном контексте переходного общества* [диссертация]. Гродно: ГрГУ имени Янки Купалы; 2002. 105 с.
2. Орлов ВН. *Гамаюн: жизнь Александра Блока. Том 1–2*. Москва: Терра; 1997.
3. Блок АА. *Собрание сочинений в 6 томах*. Ленинград: Художественная литература; 1980–1983.
4. Блок АА. *Собрание сочинений в 8 томах*. Москва: Гослитиздат; 1963.
5. Хайдеггер М. *Разъяснения к поэзии Гёльдерлина*. Ноткин ГБ, переводчик. Санкт-Петербург: Академический проект; 2003. Гёльдерлин и сущность поэзии; с. 63–99.
6. Хайдеггер М. *Бытие и время*. Бибихин ВВ, переводчик. Москва: Академический проект; 2013. 452 с.
7. Heidegger M. *Gesamtausgabe III. Abteilung: Unveröffentlichte Abhandlungen Vorträge – Gedachtes. Band 65. Beiträge zur Philosophie*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann; 1989. 530 S.
8. Поздняков МВ. «О событии» («Vom Ereignis») М. Хайдеггера. *Вопросы философии*. 1999;7:140–157.
9. Лесневский СС, редактор. *Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919*. Москва: Прогресс-Плеяда; 2001. 608 с.
10. Канаев ИА. Китайский классический текст «Удержание Изначального» в свете современной теории познания. *Вопросы философии*. 2018;8:127–138.
11. Блок АА. *Собрание сочинений. Том 7. Дневники* [Интернет]. Москва: Гослитиздат; 1962 [процитировано 1 декабря 2022 г.]. Доступно по: <https://www.litmir.me/br/?b=202881&p=84>.
12. Блок АА. В. Маяковскому. В: Медведев ПН, редактор. *Дневник А. А. Блока. Том 2. 1917–1921* [Интернет]. Ленинград: Издательство писателей в Ленинграде; 1928 [процитировано 1 декабря 2022 г.]. Доступно по: <https://orpk.org/quotes/2033>.
13. Хайдеггер М. *Работы и размышления разных лет*. Михайлов АВ, переводчик. Москва: Гнозис; 1993. Просёлок; с. 238–241.

References

1. Semernik SZ. *Ekzistentsial'nye sostoyaniya lichnosti v sotsiokul'turnom kontekste perekhodnogo obshchestva* [Existential states of the personality in the socio-cultural context of a transitional society] [dissertation]. Hrodna: Yanka Kupala State University of Grodno; 2002. 105 p. Russian.
2. Orlov VN. *Gamayun: zhizn' Aleksandra Bloka. Tom 1–2* [Gamayun: the life of Alexander Blok. Volume 1–2]. Moscow: Terra; 1997. Russian.
3. Blok AA. *Sobranie sochinenii v 6 tomakh* [Collected works in 6 volumes]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura; 1980–1983. Russian.
4. Blok AA. *Sobranie sochinenii v 8 tomakh* [Collected works in 8 volumes]. Moscow: Goslitizdat; 1963. Russian.
5. Heidegger M. *Raz'yasneniya k poezii Gel'derlina* [Clarifications to Hölderlin's poetry]. Notkin GB, translator. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt; 2003. [Hölderlin and the essence of poetry]; p. 63–99. Russian.
6. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. Bibikhin VV, translator. Moscow: Akademicheskii proekt; 2013. 452 p. Russian.
7. Heidegger M. *Gesamtausgabe III. Abteilung: Unveröffentlichte Abhandlungen Vorträge – Gedachtes. Band 65. Beiträge zur Philosophie*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann; 1989. 530 S.
8. Pozdnyakov MV. [«On the Event» («Vom Ereignis») by M. Heidegger]. *Voprosy filosofii*. 1999;7:140–157. Russian.
9. Lesnevskii SS, editor. *Andrei Belyi i Aleksandr Blok. Perepiska. 1903–1919* [Andrey Bely and Alexander Blok. Correspondence. 1903–1919]. Moscow: Progress-Pleyada; 2001. 608 p. Russian.
10. Kanaev IA. Chinese classical text «Inception Retaining» in light of contemporary theory of knowledge. *Voprosy filosofii*. 2018;8:127–138. Russian.

11. Blok AA. *Sobranie sochinenii. Tom 7. Dnevnik* [Collected works. Volume 7. Diaries] [Internet]. Moscow: Goslitisdat; 1962 [cited 2022 December 1]. Available from: <https://www.litmir.me/br/?b=202881&p=84>. Russian.

12. Blok AA. *V. Mayakovskomu* [V. Mayakovsky]. In: Medvedev PN, editor. *Dnevnik A. A. Bloka. Tom 2: 1917–1921* [Diary of A. A. Blok. Volume 2. 1917–1921] [Internet]. Leningrad: Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade; 1928 [cited 2022 December 1]. Available from: <https://orpk.org/quotes/2033>. Russian.

13. Heidegger M. *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and reflections of different years]. Mikhailov AV, translator. Moscow: Gnozis; 1993. [Country road]; p. 238–241. Russian.

Статья поступила в редколлегию 07.06.2022.
Received by editorial board 07.06.2022.